

РОССИЯ 2025-2045: ВНЕШНИЕ КОНТУРЫ РАЗВИТИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Доклад

Футурология близка к научной фантастике. Как категория дискурса, научная фантастика используется для осмысления векторов развития мира, социокультурных или технологических изменений. Футурология, как и научная фантастика, работает с допущениями, моделирует сценарии развития, основываясь на экспертных заключениях дня сегодняшнего и тенденциях изменений предыдущего опыта.

Авторы не претендуют на истинность или объективность (да и с точки зрения материалистической философии ее достичь с позиции субъекта невозможно), но своими размышлениями пытаются обратить взор экспертного сообщества на довольно сложную тему – необходимость долгосрочного прогнозирования. В эпоху турбулентного мира важность мышления из будущего приобретает особую значимость в политике, и в экономике, и в государственном управлении.

В докладе авторы взяли горизонт 2045 года неслучайно. Во-первых, существует крылатое выражение, часто приписываемое Петру Аркадьевичу Столыпину про то, что «... в России за 20 лет меняется всё, а за 200 – ничего», которое как раз устанавливает горизонт планирования изменений в двадцать лет. Во-вторых, и в этом наш привет методологам, называющим себя прогрессорами – в хронологии фантастического Мира Полудня, созданного в произведениях А. и Б. Стругацких и их учеников, период с 2024 по 2045 год назван «Эпохой локальных войн на периферии цивилизованного мира». Ну, и в-третьих, наконец, не в шутку, а всерьез, двадцать лет – это усреднённый срок смены поколений. Размышления на таком временном отрезке нам показалось разумными еще и с учетом принятого подхода долгосрочного планирования у нашего возможного геостратегического партнера – Китайской народной республики. XX съезд КПК в 2022-м году установил главные цели развития на 20-30 лет. Исходя из этого, обсуждаем основные вызовы и реперные точки мировой политики до 2045 года и роль России в них.

1. Роль России в процессе трансформации мироустройства

Мы живём и действуем в эпоху «мировой консервативной революции». Никем не объявленная, она началась уже после того, как её утомились тщетно предвещать философы и политики. Неузнанный, многоликий, ловко использующий грим, маски и костюмы, призрак «консервативной революции»

бродит по планете, воплощаясь то в одном регионе, то в другом огненными столпами движения вспять.

Отличительной чертой теории и практики модерна XIX-XX веков была практически религиозная по своей силе вера в безграничный социальный прогресс, в создание идеального человеческого общества, в торжество утопического реализма. Но в процессе все утопии, кроме либеральной, канули в Лету, а государства нового типа, кроме Китая, разбились на осколки старорежимных национальных государств. И к концу прошлого столетия стало модным считать, что наилучший новый мир построен, история завершена, а впереди вечность всеобщего благоденствия. Фукуяма ничего не придумал тогда, а лишь выразил самое популярное мнение.

И в этот самый момент, поскольку ассортимент позитивных утопий (образов будущего) оказался исчерпан, настало время антиутопий. Как раньше человечество представляло себе жизнь в XXI веке? Единый мир, всеобщее благоденствие, полнейшее изобилие, фантастический прогресс, межпланетные перелёты, контакты с внеземными цивилизациями и т.д.

А в антиутопиях авторы-мизантропы обрисовали совсем обратные картины: атомная война, тотальный террор, зомби-апокалипсис, гибель демократии, сон разума, возрождение тёмных культов, глобальные эпидемии, тоталитарные режимы и прочие атрибуты ада на Земле.

Именно антиутопические черты стали всё ярче и жёстче проявляться в мире с начала нынешнего столетия. А пандемия Covid-19 стала новым Рубиконом. Миллиарды людей привели к алтарю тотального контроля и заставили дать обет послушания.

В этом-то и кроется суть «мировой консервативной революции». Вместо свободы - повиновение, вместо демократии - власть, вместо мультикультурализма - миграционное замещение, вместо прав большинства - диктатура меньшинств. Чем вам не «новое средневековье» в самых мрачных тонах?

Сегодняшние горячие события на Ближнем Востоке лишь добавляют классического Апокалипсиса в общую картину дня. Как и тысячу лет назад, мир снова смертельно опасен, непредсказуем, даже неизведан, абсурден и переполнен религиозно-мистическими страстями. Война всех против всех теперь отнюдь не метафора.

В этой ситуации глобального неоапокалипсиса Россия занимает, как это ни парадоксально, очень выгодное положение. РФ, в силу своего «особого пути», остаётся свободной от многих современных государственных и общественных девиаций. Если Москва сама не станет раздувать пожар «консервативной

революции» у себя, удастся сберечь и дух прогресса, вкус к свободному развитию, потенциал нового привлекательного образа будущего для себя самих и для других народов мира. На самом деле почти все люди любят свободу, но не все умеют за неё бороться. А русские умеют и могут научить.

В средневековой алхимии есть формула: *Ignis Natura Renovatur Integra* (Вся природа постоянно обновляется огнём). Этот принцип хорошо описывает данный момент мировой истории. И данный доклад посвящён различным геополитическим аспектам текущего и грядущего обновления через призму российских национальных интересов.

Россия задаёт тренды многополярности

Теория «золотого миллиарда», давно де-факто реализуемая странами «глобального Запада», оставляет за кормой мирового богатства абсолютное большинство населения Земли – оставшиеся 7 миллиардов. Концепция управляемого хаоса, будучи наследницей правила «разделяй и властвуй», давно и эффективно реализуется западными элитами в отношении их «кормовой базы» из других стран. Но если Кольт сделал людей чуть равнее, то Интернет окончательно уравнил всех в информированности, а, следовательно, и в знании. И практика «золотого миллиарда» дала трещину по причине отсутствия желания остальных семи миллиардов быть людьми второго сорта. Россия, по сути, возглавила этот тренд – конечно, не «разворот на Восток» или российский ислам делает нашу страну одним из лидеров «Глобального юга» - им делает Москву вызов, открыто брошенный Западу. Причём природа данного вызова совершенно органична европейской культуре и прекрасно описывается русской классикой – самым популярным в мире русским писателем Фёдором Достоевским.

Россия оказалась в авангарде рассерженных политикой Запада стран, а, соответственно, их предводителем. Своим примером показывая, как можно бороться, Москва объединяет несогласных. Как в своё время Югославия, далеко не являясь самой сильной страной в созданном Тито «Движении неприсоединения», так и нынешняя Россия, существенно уступая размерами своей экономики Китаю, Индию и исламскому миру, берёт на себя политическое лидерство не согласных с политикой Запада. Как говорил в своё время один из лидеров мирового антиглобализма Жозе Бове – «Другой мир возможен. И я помогу ему». **Концепция «другомирства» и есть сущностное предложение Москвы всему мировому сообществу, не готовому более признавать приоритетную роль в развитии за США. Этот мир будет гораздо сложнее, чем его предыдущая американоцентричная версия. Множество различных систем ценностей и сводов правил вместо одной – «кока-кольно-**

санта-клаусной» на порядок сложнее с точки зрения глобализации. Однако этот процесс уже неостановим – Пекин, Дели, Джакарта, Анкара и Эр-Рияд всё меньше будут учитывать интересы «золотого миллиарда» и всё больше – свои собственные. У России есть все шансы возглавить это движение.

2. Клуб друзей России – перспективы развития

Известное крылатое выражение, традиционно приписываемое русскому императору Александру III, гласит: «У России есть только два союзника – её армия и флот». Реже вспоминают легендарное продолжение: «Все остальные предадут её при первой же возможности». Слова эти, предположительно сказанные сильным державным православным царём по прозвищу «Миротворец» в конце XIX века то ли с чувством имперской самодостаточности, то ли с горечью, и по сей день любят цитировать различные политики. Да и с учётом нынешней геополитической ситуации такая «формула вооружённого одиночества» очень удобна как для властей, так и для многих претендующих на их место оппозиционеров. Тем не менее, политика – это искусство возможного, в том числе – искусство заключать союзы.

Император Александр I в своё время инициировал Священный союз. Вождь пролетарской революции Ленин создал Коминтерн, а следом Советский Союз. Генералиссимус СССР Сталин практически возглавил Антигитлеровскую коалицию, а затем сколотил мощный Восточный блок. И даже «российский сепаратист» Ельцин активно искал союзников на внешней арене. И нынешний лидер России Путин не является исключением в данном вопросе.

Мы сейчас не будем затрагивать щекотливые темы Союзного государства России и Белоруссии, СНГ, ОДКБ. Это отдельная постсоветская история. Сосредоточимся на более актуальных и амбициозных проектах с прицелом на прогрессивную футурологию.

БРИКС+, Валдай и другие «Вселенные»

На состоявшемся в конце октября 2024 года в Казани XVI саммите БРИКС президент РФ Владимир Путин отметил, что «Россия, как и все государства БРИКС, открыта к совместной работе со странами Глобального Юга и Востока по продвижению инклюзивного и устойчивого развития в целях построения лучшего мира. Мира, в котором будут учитываться мнения и интересы каждого народа, уважаться их право на суверенное развитие, их самобытность, признаваться абсолютная ценность всех без исключения культур, традиций и религий». Из этих слов можно предположить, что в отношении «совместной работы» со странами «Глобального Севера», не говоря

уже о «коллективном Западе», нынешний Кремль твёрдо занимает «закрытую» позицию, по крайней мере – в обозримом будущем. Это достаточно радикальная геополитическая заявка, вполне вписывающая в различные версии «геополитического фэнтези» а-ля Дугин.

Как тут не вспомнить полярное мнение бывшего «серого кардинала» Кремля, идеолога «суверенной демократии» Владислава Суркова, высказанное им в своей статье «Рождение Севера».

«Великий Север не утопия и не дистопия, он не будет ни идиллией, ни мрачным местом, - писал Сурков в сентябре 2023 года. - Будет полон противоречий — и при этом одержим объединяющей идеей коллективного лидерства. Общее будущее предопределено общими корнями. Три крупнейших северных цивилизации, русская, европейская и американская, в своем политическом развитии черпают вдохновение в образе Pax Romana. Слово старца Филофея до сих пор подспудно направляет Россию. Евросоюз провозгласил своим праотцом Карла Великого, «императора римлян». Самый известный холм Вашингтона назван в честь легендарного Капитолия... Наша победа изменит и нас, и так называемый Запад. Явится новым шагом к интеграции Великого Севера, где наша страна будет выступать как солидер глобального триумvirата».

Кажется, что теперь эти слова выглядят ещё более фантастичными, нежели год назад. Однако, 7 ноября 2024 года, в очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, тот же Владимир Путин в своей речи на XXI заседании Международного клуба «Валдай» сказал следующее: «Россия не воспринимает западную цивилизацию как врага, не ставит вопрос «мы или они». Ещё раз повторю: «кто не с нами, тот против нас» – мы же так не говорим никогда. Мы не хотим никого ничему учить, никому навязывать своё мировоззрение. Наша позиция открыта».

Итак, как пел Егор Летов, «простор открыт». Тем более, что на президентских выборах в США победил Дональд Трамп, политик консервативно-традиционалистского фланга. В предыдущем геополитическом сезоне популярность Трампа в России зашкаливала даже среди коммунистического электората. А уж многие профессиональные патриоты даже носились по Москве с американскими флагами и вовсе не с целью их демонстративно сжечь. Сегодня, конечно, подобного «консервативного энтузиазма» поубавилось, но привычка «болеть» за Трампа осталась. Поэтому сурковская идея «Великого Севера» вполне может занять достойное место в смысловой линейке российских пропагандистов рядом с идеей «Глобального Юга».

Тем временем в геополитической реальности государства, находящиеся на разных географических и цивилизационных широтах, продолжают вечную конкуренцию. Разница лишь в масштабах. США, Китай, Индия – мировые игроки, складывающие свои яйца в корзины по всей планете. Одна из сфер глобального передела сегодня – огромная и противоречивая Африка, на просторах которой активно действует и Россия в меру своих сил.

В чём же уникальность настоящего внешнеполитического момента?

Сегодня Москва не предлагает какой-либо законченной модели мироустройства, предпочитая говорить о пользе многополярности, суверенизации, даже мировой справедливости. Россия сегодня стала державой-философом, почти что громадным межконтинентальным Львом Толстым, ведущим среди усиливающегося военного экономического, социального, миграционного и разного другого хаоса проповедь мирных добрососедских взаимоотношений. Россия создаёт на мнимых или только кажущихся руинах старого мира (кризис все-таки не обязательно означает катастрофу и конец) виртуальные «вселенные», где подобные проповеди воспринимаются по крайней мере уместно.

«Прежнее устройство мира безвозвратно уходит, можно сказать, уже ушло, а за формирование нового разворачивается серьёзная, непримиримая борьба, - так говорил Путин на «Валдае». - Непримиримая прежде всего по той причине, что это даже не схватка за власть или за геополитическое влияние. Это столкновение самих принципов, на которых будут строиться отношения стран и народов на следующем историческом этапе. От его исхода зависит, сможем ли мы все вместе, совместными усилиями построить мироздание, которое позволит развиваться всем, решать возникающие противоречия на основе взаимного уважения культур и цивилизаций, без принуждения и применения силы. Наконец, сможет ли человеческое общество остаться обществом с его этическими гуманистическими началами, а человек – остаться человеком». Итак, миссия России в XXI веке по мысли её правящего класса понятна: помочь человеку остаться человеком. Своего рода удержание эволюционного рубежа, остановка деградации и спасение от «нашего постчеловеческого будущего» (Ф. Фукуяма).

И каждая относительно виртуальная «вселенная» (БРИКС, антинеоколониальный фронт и др.), выстраиваемая Россией на данный момент, представляет одинаковое уникальное предложение на мировом геополитическом «рынке»: своего рода парники для сбережения человечности. По идее, это предложение, от которого просто невозможно отказаться. И Москва явно рассчитывает на «парниковый эффект», в результате которого

отношение к ней потеплеет. Сначала на Востоке и Юге, а потом и на Западе. Солнце ведь тоже встаёт на Востоке.

3. Евразийский Союз и Русский мир: перспективы развития

Евразийский экономический союз объединил в себе пять стран: Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Россию. Количество государств-членов к 2023 году увеличилось в качестве стран-наблюдателей (Республика Молдова, Республика Узбекистан, Республика Куба), а также стран, подписавших соглашение о торговле (Вьетнам, Сингапур, Сербия, Иран), стран, с которыми идут переговоры (Египет, Индонезия, Иран, Израиль), стран, выразивших интерес к сотрудничеству (Монголия, ОАЭ).

Исходя из правоустанавливающих документов, стратегические приоритеты ЕАЭС на сегодня можно свести к следующим:

1. Экономическое развитие, включающее в себя увеличение темпов экономического роста и развитие экономического потенциала стран-участниц за счет создания единого рынка товаров и услуг, устранения торговых барьеров, улучшения инвестклимата и повышения производительности труда;
2. Развитие инфраструктуры через реализацию совместных проектов в области транспорта, логистики, энергетики и развитие цифровизации;
3. Сотрудничество в области науки и образования с целью развития человеческого капитала и создания новых конкурентоспособных технологий;
4. Укрепление безопасности в регионе, через борьбу с преступностью и терроризмом, укрепление оборонного потенциала.

Можно выделить и тот фактор, что ЕАЭС за последние годы успешно пережил два глобальных вызова – с одной стороны обрушение логистических связей из-за пандемии, а с другой – санкционное давление стран коллективного Запада из-за проведения СВО. С обоими вызовами Союз смог справиться, и во многом это заслуга Правительства России как центра принятия решений в области экономики и базисных процессов сотрудничества между странами.

Однако оба вызова трансформировали систему отношений и сложную паутину взаимных интересов, усилив, в одной стороны, заинтересованность России в развитии партнерства с соседями, а с другой, показав неустойчивость устаревшей концепции глобального мира с одним-двумя-тремя доминирующими мировыми центрами экономического развития. Понимание значимости региональных союзов пришло и к странам-наблюдателям, обозначив весомую альтернативность новых проектов как на Евразийском континенте, так и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке.

Ключевая задача России – воспользоваться сложившейся ситуацией и успеть сформировать такие правила игры, которые бы обеспечили стабильность взаимодействия и фундаментальность договоренностей на средне- и долгосрочную перспективу. Окно возможностей пока открыто, и дискуссия идет, а ход ее во многом сегодня зависит не только от России и не только от ее геополитических противников. Во многом перспектива самого союза зависит от того формирующегося, формализованного в стратегиеустанавливающих документах образа будущего и понимания развилки развития, а также связанных с ними рисков.

Безусловным преимуществом ЕАЭС является его хорошая ресурсообеспеченность. В условиях нарастания глобальных вызовов - возрастания значимости в повестке продовольственной безопасности, доступа энергоресурсам, сельхозугодьям, к питьевой воде – возрастает роль не финансовых центров, а центров, контролирующих данные ресурсы. Вокруг таких ресурсных анклавов и будут выстраиваться экономические и политические цепочки. Глобальная ошибка постиндустриальной Европы состояла в выводе промышленности в Китай и Юго-восточную Азию, а также фиксация на интеграционных процессах подчас в ущерб национальным интересам стран-участниц Европейского союза. В итоге, дряхлеющий, тяжеловесный ЕС логично теряет влияние в мире, порушив связи с восточным соседом, обеспечивавшим энергетическую подпитку технологического сектора, все дальше погружаясь в пучину внутренних политических противоречий. Этот процесс был не вызван, а лишь катализирован начавшейся в 2022 году СВО, его тенденции ускорила также и начавшаяся в 2020-м пандемия.

Таким образом, перспектива ЕАЭС на данном этапе – в фокусировке на ключевом направлении выстраивания экономических связей: в вертикали Север-Юг – через Каспий в Иран, и, возможно, Африку, а также в логике Шелкового Пути в отношениях с Китаем, Индией и Юго-восточной Азией.

Базисом любого союза является две основные вещи – взаимные интересы и умение договариваться. Исходя из этого, можно выделить несколько дополняющих условий, обеспечивающих дальнейшее развитие союза. В частности, для обеспечения реализации взаимных интересов важным фактором остается стабильность политических режимов в странах-участниках. Исходя из этого, уже сейчас, на горизонте ближайших пары лет, можно прогнозировать дестабилизацию отношений как минимум с двумя членами организации – с Арменией и Беларусью.

Но формализация Русского мира не идентична понятию стратегического союза. Не желая вступать в дискуссию с философами и политиками данного

дискурса, следует определить для целей настоящего доклада само явление «Русский мир».

В различных источниках можно встретить как минимум четыре смысловых подхода к формализации этого термина – условно цивилизационный, доктринальный, организационно-геополитический и религиозный. Наверное, все они имеют право на существование.

«Мир» еще в литературном языке Льва Николаевича Толстого подразумевал общество в его системном понимании с имеющимся социокультурным кодом и настроением. Этим смыслом и логично оперировать далее, определив Русский мир как международное сообщество, объединённое идеей культурно-исторического единства и причастностью к России как цивилизационной платформе – языку, культуре, религии и набору традиционных ценностей.

В этом смысле говорить о будущем Русского мира на горизонте 20 лет бессмысленно, так как цивилизации не меняются за столь короткий период. Но в определенных проекциях цивилизационной платформы могут произойти определенные трансформации.

Так события последних лет демонстрируют усиление, например, диаспоральной составляющей Русского мира. Как и в двадцатые годы прошлого века, русская эмиграция сформировала за рубежом разветвленную сеть сообществ, дав импульс развитию науки и культуры в странах Запада, так и сегодняшняя толпа релокантов, спустя ровно сто лет, начинает свою культурную экспансию не только на Запад, но и на Восток, обеспечивая экономические, социальные и иные трансформации во многих странах – не только через вплетение мелодики русского языка в кафе и ресторанах, но и через формирование экономически значимых групп, особенно в слаборазвитых странах. При определенной гибкости политики внешнеполитических служб и через механику использования «мягкой силы», Россия в состоянии усилить свою культурную экспансию и укрепление Русского мира.

Еще один аспект возможного укрепления Русского мира – сотрудничество в вопросах реализации глобальных проектов – освоения космоса, продления жизни или решения экологических вопросов. Хрупкость мира и неэффективность инструментария существующих ответов на глобальные вызовы доказала пандемия коронавируса, а запрос «подросших» стран на включение их в технологические цепочки становится все явнее. Особенность момента еще и в том, что английский язык постепенно перестает быть главенствующим языком международного общения в науке, образовании и бизнесе. Мандат на разговор без упреков о колониальной политике прошлого с

«азиатскими тиграми», региональными центрами в Африке или в Латинской Америке сейчас может иметь, пожалуй, только Россия.

4. Возможности и перспективы международного сотрудничества регионов России

По итогам прошедшего в Казани саммита «БРИКС+», самого представительного за всю историю, многие эксперты стали задаваться вопросом – как будет выглядеть на практике сотрудничество во всех заявленных сферах между заинтересованными субъектами стран-участниц. И если в плане взаимодействия госкорпораций всё более-менее очевидно, то в области межрегионального сотрудничества – не настолько. В этой связи мы решили подготовить данный экспресс-доклад, в котором проанализированы перспективы развития отношений российских регионов с членами Евразийского Экономического Союзом и странами группы «БРИКС+».

С введением жёстких санкций против российской экономики регионы были вынуждены пересмотреть модель своего международного взаимодействия. Это проявилось, главным образом, в поиске новых направлений и торгово-экономических партнёров. В этой ситуации основным торговым партнёром становится Китай. На основе данных Главного управления таможи (ГУТ) Китая, долю этой страны в российской торговле по итогам 2023 года можно оценить в 32%, в импорте — в 41%, а в экспорте России — в 26%.

О результативности предпринимаемых субъектами усилий также свидетельствуют статистические данные. Например, Калининградская область, где до 2022 года две трети внешнеторговых торговых связей приходилось на страны ЕС, прервавшие с ней экономическое сотрудничество почти по всем направлениям, достаточно быстро переключилась на преимущественное взаимодействие с дружественными государствами, прежде всего Китаем, на который теперь приходится почти 30% всех ее текущих экспортно-импортных операций. Надо сказать, что КНР стала ведущим торговым партнером не только для Калининградской области, но и для Санкт-Петербурга, Архангельской, Ленинградской, Псковской областей и Республики Карелия.

Из числа стран СНГ наиболее быстрыми темпами развивается торговля с Белоруссией. Отмечается также заметное увеличение торговых обменов российских регионов с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. Из азиатских стран на передний план по данному показателю, помимо КНР, выдвигаются Индия, Иран, Республика Корея, Монголия, Турция. Наблюдается расширение межрегионального сотрудничества с Алжиром, Египтом, Объединенными Арабскими Эмиратами, Саудовской Аравией, странами Латинской Америки,

прежде всего Бразилией, Кубой, Никарагуа, государствами ЮВА, в частности, Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом, Филиппинами.

В 2023-2024 гг. было организовано более 2500 визитов делегаций регионов в зарубежные государства и иностранных партнеров в субъекты Федерации, что почти на 50% больше, чем до 2022 года. В докладе представлены ключевые форматы международного сотрудничества российских регионов. Авторами доклада не ставилась задача указать все имеющиеся у того или иного региона международные контакты, доклад нацелен на выявление тенденций, характерных для российских субъектов. Рассмотрена международная политика крупнейших регионов страны в 2023-2024 гг.

Тенденции международного взаимодействия российского бизнеса

Можно условно выделить три группы регионов по уровню и качеству выстраивания взаимоотношений с иностранными партнёрами:

Регионы, ведущие активное международное сотрудничество (Башкирия, Нижегородская, Свердловская, Липецкая, Ивановская, Тамбовская, Калужская, Омская, Ульяновская области, Ставропольский край и ряд других). В эту группу входят, преимущественно, экономически мощные субъекты, которые уже имеют богатую историю выстраивания взаимоотношений с иностранными партнёрами. Эти субъекты демонстрируют высокие показатели, в том числе благодаря серьёзным лоббистским возможностям, которыми обладают главы этих регионов и премьер-министры региональных правительств. Проводимая ими политика ориентирована на проактивное привлечение инвесторов, а также на активную работу по сохранению имеющихся контактов и выстраиванию взаимодействия в условиях геополитической конфронтации. При этом часть регионов с мощным экономическим потенциалом не проявляют существенной активности в сфере внешних контактов (Самарская область, Краснодарский край).

Субъекты со средним уровнем международного взаимодействия. Сюда входят регионы, сумевшие за последние полгода реализовать ряд проектов с иностранным бизнесом и государственными структурами, но говорить о выстраивании прочных международных связей в данном случае пока преждевременно (Брянская область, ХМАО, Мордовия и другие).

Регионы со слабым уровнем международной активности. Как правило, эту группу составляют небольшие субъекты, не отличающиеся заметным экономическим потенциалом либо имеющие малую численность населения и не диверсифицированную экономику (Костромская область, Чувашия, Забайкальский край).

В целом выделяются следующие направления международной повестки российских регионов:

1. Участие в международных форумах. Распространённой практикой становится межрегиональное сотрудничество, когда российские субъекты заключают договора с регионами в зарубежных странах (такая практика особенно часто используется в отношениях с Белоруссией и Китаем). Это способствует оперативному обмену информацией, минуя национальные структуры и наращиванию опыта взаимодействия. Кроме того, это позволяет учитывать особенности экономико-географической специализации некоторых граничащих между собой регионов разных стран.

2. Проведение презентационных мероприятий за границей. Свой вклад на этом направлении вносят, в том числе, Республика Крым и Севастополь, которые делают упор на информировании о региональных достижениях, прежде всего в ближнем зарубежье.

3. Турция и Иран. В условиях усиления санкционного давления и необходимости мобилизации экономики руководители регионов включаются в процесс поиска альтернативных международных партнеров, которые способны занять ниши, освобожденные западными странами. Наиболее сложно этот процесс развивается в области высоких технологий, которые по-прежнему контролируются «недружественными» странами практически в монопольном режиме, но в то же время появляется задача поиска обходных путей. Отмечается интенсификация контактов с Ираном как на государственном, так и на региональном уровне. Около тридцати российских регионов имеют специальные соглашения о сотрудничестве с иранскими провинциями, а общий товарооборот вырос почти в четыре раза. Заслуживает внимания и вовлеченность Ирана в процесс урегулирования конфликта в Закавказье. Так или иначе, есть основания ожидать развития внешних связей с Ираном на разных уровнях. Например, сообщалось о встречах с иранскими делегациями главы Татарстана Р.Минниханова, руководством Башкирии. Перспективы расширения сотрудничества с Ираном открываются для каспийских регионов: в частности, иранская делегация посещала Дагестан. Правительством Чечни совместно с иранскими коллегами разработана дорожная карта экономического взаимодействия.

Несмотря на участие в НАТО, Турция продолжает занимать **нейтральную** позицию по отношению к России и заинтересована в расширении сотрудничества, в том числе, на уровне субъектов. Например, внешнеторговый оборот Башкирии и Турции увеличился более чем в 2,5 раза по сравнению с прошлыми годами. Основу экспортных поставок в Турцию составили топливно-энергетические товары, продукция химической промышленности и

продовольственные товары и сырье. В других субъектах тоже зачастую наблюдается рост товарооборота с этой страной, хотя и не всегда значительный.

4. Казахстан и Средняя Азия. Одним из трендов стало существенное увеличение связей с Узбекистаном и другими государствами Средней Азии (при этом с Казахстаном они были тесными и ранее). Наиболее активны во взаимоотношениях с государствами этого региона субъекты Поволжья, Урала и Сибири, что объясняется большей географической близостью, устоявшимися культурными связями, в ряде случаев этнической и религиозной близостью. В Свердловской области открыт торговый дом Узбекистана, что должно способствовать развитию торговли региона с этим государством.

5. Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. Уход многих западных компаний заставил субъекты искать инвесторов на других, прежде всего, азиатских рынках. Крупнейшим государством, с которым российские регионы поддерживают связи, остаётся Китай, но есть и отдельные контакты с другими странами, в частности, с Вьетнамом. Взаимодействие с ними характерно для многих субъектов; активнее оно проявляется у регионов Дальнего Востока. Но имеются примеры, когда и более отдалённые субъекты стараются выстроить с восточным соседом экономические связи. Так, Калининградская область договорилась о реализации нового транспортно-логистического проекта по отправке контейнерных поездов в Китай со станции Черняховск. Развитие проекта, разумеется, будет во многом зависеть от степени транспортной блокады Калининградской области. Ленинградская область расширяет договорённости с китайской провинцией Хэбей о поставках агропромышленной продукции, минеральных удобрений и других товаров. Башкирия договаривается с китайской провинцией Ляонин о совместных проектах в рамках ОЭЗ «Алга».

6. Беларусь. Главный внешнеполитический союзник России привлекает внимание значительной части губернаторского корпуса. Кроме того, Беларусь обладает существенным производственным потенциалом, что повышает её экономическую привлекательность. Два проекта заключила с белорусским холдингом «Амкодор» Башкирия. В Хабаровском крае совместно с Минским автомобильным заводом создан региональный центр по ремонту и сервисному обслуживанию техники «МАЗ» на базе Хабаровского радиотехнического завода.

Наращивание регионального экспортного потенциала

В конце сентября Президент России Владимир Путин обсудил в Кремле с президиумом Госсовета наращивание регионального экспортного потенциала, а также вызовы и задачи для компаний и регионов, направленные на достижение

этой цели. Согласно данным Федеральной таможенной службы (ФТС), экспорт товаров из России в 2023 году составил 425,1 млрд долларов, снизившись на 28,3% по сравнению с 2022 годом (592,5 млрд долларов). Перестройка российской экономики на новый лад в связи с введением новых пакетов санкций и проведением специальной военной операции (СВО) привела к изменению структуры российского экспорта и необходимости для руководителей регионов искать новые направления внешнеэкономического сотрудничества. Руководство субъектов вынуждено проводить эту работу с учётом экономической структуры своих субъектов. Чётко прослеживается тенденция переориентации в международных контактах на азиатские рынки и постсоветское пространство. При этом, ключевым ограничением для выхода региональных компаний на экспортные рынки является несоответствие качества производимой продукции экспортному спросу. Поэтому даже полное устранение барьеров для экспорта, как и формальное заключение множества соглашений с иностранными партнёрами, в этом случае не решает полностью проблему развития новых экспортных поставок из регионов России.

Лидерами в этом направлении стали Свердловская область, Татарстан, Башкирия, Ростовская и Челябинская области. В Свердловской области объём экспорта составил 7,8 млрд долларов США. Основная часть экспорта — металлургическая продукция, также значительную часть составляют машины и оборудование. Ключевыми торговыми партнёрами выступают страны СНГ и Азии. Дальнейшее продвижение уральской продукции планируется на территории государств Евразийского экономического союза, Центральной Азии, Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона и Северной Африки. В Татарстане особое внимание уделяется развитию экспортного потенциала компаний. Республикой предоставляется порядка 50 различных мер поддержки начинающим и действующим экспортерам. Комплексная поддержка позволяет исключить или значительно сократить собственные затраты предприятий, а также получить экспертное сопровождение по разным вопросам работы на внешних рынках. Башкирия в своей внешнеэкономической деятельности нацелена на усиление евразийской интеграции, расширение контактов с Китаем и Индией, исламским миром и странами ШОС и БРИКС. С ближневосточными странами руководство республики согласовало ряд проектов в сфере машиностроения, БПЛА, нефтяной промышленности и образовании. С Абхазией есть договорённость о поставке сельскохозяйственной и нефтехимической продукции, совместной реализации проектов в сфере машиностроения. Ростовская область — крупнейший в России экспортёр продукции сельского хозяйства. Только экспорт аграрной продукции этого региона по итогам 2023 года составил 8,5 млрд долларов, что составляет 19,6%

от общего объема аграрного экспорта России. В Челябинской области реализуется региональный проект экспорта продукции. За пять лет вывоз за границу товаров агропромышленного комплекса в этом субъекте увеличился почти в два раза — со 108 миллионов до 213 миллионов долларов. А вывоз зерновых вырос в восемь раз.

Тем не менее, проблема экспорта продукции для большинства регионов остаётся острой. После 2022 года многие существовавшие логистические цепочки оказались разорванными и перед региональными администрациями сегодня стоит задача создания новых цепочек, позволяющих реализовывать собственную продукцию за рубежом.

Тенденции развития регионального экспорта:

1. Смена торговых партнёров. Регионы России уменьшили объемы торговли с западными странами и активизировали сотрудничество с государствами Азии, Ближнего Востока и Африки. В частности, увеличился экспорт в Китай, Индию и Турцию.

2. Изменение товарной структуры. Увеличился экспорт энергетических ресурсов (нефть, газ), а также продовольствия. В то же время снизились объемы поставок высокотехнологичной продукции и товаров, которые традиционно экспортировались в страны Запада.

3. Логистические изменения. Из-за санкций и ограничений изменились логистические цепочки. Это привело к увеличению затрат на транспортировку и необходимость поиска альтернативных маршрутов. Основным инструментом для сглаживания санкционных ограничений стала поставка товаров в Россию через третьи страны. В первую очередь, через Турцию.

4. Финансовые и валютные изменения. Изменения в валютной политике и методы расчетов с новыми партнерами повлияли на экспортные операции. Эти изменения могут продолжать развиваться в зависимости от международной политической и экономической обстановки.

В целом, можно сделать ряд прогнозов по международному сотрудничеству регионов России. Сложившаяся ситуация подталкивает федеральный центр к тому, чтобы в перспективе предоставить регионам больше самостоятельности в ведении внешнеэкономических дел, т.к. управленческие ресурсы Центра задействованы для решения других задач. Но это предполагает и большую ответственность региональных руководителей за это направление. В связи с этим можно ожидать повышения внешнеэкономической активности глав регионов (проведение международных встреч, заключение соглашений), но

вопрос о том приведёт ли это к росту экспортных показателей пока остаётся открытым.

В дальнейшем следует ожидать сохранения динамики на установление межрегиональных связей с провинциями Китая. КНР, вероятно, останется крупнейшим торговым партнёром России. В частности, можно ожидать увеличения торгового баланса в сфере продажи угля, металлургии. Также определённый рост будет зафиксирован в торговле со странами Ближнего Востока. Однако здесь существенным ограничивающим фактором может выступать не стабильность экономических систем самих ближневосточных государств.

Динамика разворота на Глобальный Юг приобрела устойчивый характер. Международная деятельность регионов стала важным фактором развития двусторонних отношений и неотъемлемым звеном многосторонней кооперации. Ее сравнительные преимущества состоят в том, что она в меньшей степени политизирована и более сфокусирована на достижении практического результата, открывает тем самым дополнительные возможности в торгово-экономической и инвестиционной областях, выстраивании производственных и транспортно-логистических цепочек, гармонично встроена в межгосударственное взаимодействие на таких направлениях, как культура, искусство, наука, образование, молодежные обмены, спорт, туризм.

Потенциал усиления регионального международного сотрудничества лежит в плоскости расширения не только экономических, но и социально-культурных, спортивных контактов. На сегодняшний день большинство регионов, говоря о международных связях предполагает, прежде всего, экономические контакты и, уже — привлечение иностранных инвестиций. Между тем научные и образовательные связи, контакты в сфере культуры и спорта используются в недостаточной степени.

Для продвижения всего комплекса международных связей регионы наращивают участие в проводимых на территории России крупных мероприятиях федерального значения с большим количеством зарубежных гостей, используют их площадки для презентации своих достижений, получения полезной информации о потенциальных партнерах и заключения с ними договоренностей в различных областях.

Внешнеэкономическое взаимодействие регионов во многом зависит от понимания властями того факта, что активное международное взаимодействие создает задел на будущее, давая субъектам возможность стать центрами межрегионального притяжения. Геополитическая ситуация поменяла принципы выстраивания контактов с западными компаниями: акцент теперь делается на те соглашения, которые способны принести максимальный эффект, а также

позволят преодолеть дефицит санкционных товаров. Важный вектор — декларации о намерениях и бессодержательные соглашения постепенно уходят в прошлое.

5. Россия как один из политических лидеров «Глобального Востока» в конкуренции с Западом

В реалиях современного мира Индо-Тихоокеанский регион, в том числе, так называемый «Глобальный Восток», приобретает ключевое значение в мировой политике и экономике и вытесняет с этой позиции так называемый Северо-Атлантический регион, в котором ранее доминировали США и ЕС, что признают даже западные либеральные аналитики. Население 25 стран «Глобального Востока», куда входят традиционные регионы Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, составляет 4 миллиарда 235 миллионов человек, то есть 51,83% от мирового населения, и его рост продолжается, а ВВП (ППС) составляет 59 триллионов 257 миллиардов долларов, то есть 34,85% от мирового ВВП (ППС). Это делает демографический и экономический потенциал региона уникальным, что обуславливает его предельную важность в геополитических раскладах в настоящем и будущем.

Сегодня регион является главной точкой противостояния США и Китая в рамках новой «Холодной войны», и данная ситуация создаёт для России уникальные возможности для политического и экономического проникновения на «Глобальный Восток» с целью защиты собственных интересов и глобального противостояния Западу. Кроме того, дальневосточные регионы России также являются гармоничной частью этого макрорегиона, что открывает для нашей страны широкий потенциал развития интеграции со странами «Глобального Востока». При этом, с каждым из государств Россия может выстраивать взаимодействие по отдельному сценарию, который определяется историческими связями, позицией страны в текущем геополитическом противостоянии и политико-экономическими особенностями двухсторонних отношений. Можно выделить три группы государств: прагматичные и условно «дружественные» (Китай и КНДР), нейтральные (Индия, Вьетнам, Индонезия и другие) и недружественные (Япония, Южная Корея, Филиппины).

Ключевым государством региона является Китай, для которого Россия является базовым союзником в противостоянии США и «Глобальному Западу». Значение России для Китая сводится к ядерному и, в целом, военному

сдерживанию США, НАТО и его нового азиатско-тихоокеанского блока AUKUS, где страны реализуют модель «взаимного прикрытия», когда Россия сковывает западный потенциал в Европе, а Китай прикрывает Россию на Дальнем Востоке. Кроме того, оба государства проводят политику экспансии в странах Азии, Африки и Латинской Америки, которая несёт совместную задачу противостояния США и странам ЕС. Наконец, в экономической сфере Россия боится Китай с точки зрения безопасного экспорта энергетических и прочих ресурсов на фоне постоянной угрозы блокады со стороны США и его союзников, а Китай обеспечивает в Россию прямой и параллельный экспорт технологий и технологических товаров в условиях западных санкций, а также имеет большой потенциал стать ключевым инвестором в российскую экономику, заместив в этой роли страны Европы и США.

Тем не менее, несмотря на критическую для Пекина роль России в глобальном мировом конфликте, на текущий момент Китай проводит в отношении Москвы прагматичную политику. Первой причиной такого поведения является традиционная экономическая философия Китая, который из любого двухстороннего взаимодействия пытается получить наибольшую финансово-экономическую выгоду, в рамках которой чисто политическая составляющая имеет вторичную роль и инструменты влияния сводятся к экономическому «привязыванию» государства-партнёра. Второй причиной является специфика экономического противостояния Китая и США, которые идут по пути поэтапной дезинтеграции. В этой дезинтеграции Пекин делает ставку на минимизацию экономических потерь от этого процесса, в котором чрезмерная поддержка России может принести к росту «вторичных санкций», которые могут дать дополнительные преимущества Вашингтону. Третьей причиной является стратегия Китая по диверсификации своих внешнеторговых поставок, которая нацелена на профилактику чрезмерной зависимости по тем или иным направлениям импорта в целях экономической безопасности. Так, доля КНР в российском импорте после начала СВО выросла с 27% до 45%, а в экспорте только с 18% до 28%, и Китай последовательно ограничивает поставки российских углеводородов, переориентация которых на азиатский регион имеет для Москвы ключевое значение. Поставки российской нефти в Китай в 2023 году по сравнению с 2022 годом выросли на 24%, а СПГ на 23%, но *доля России не превышает 12%, и она уступает по этому показателю Саудовской Аравии с 19%*. Кроме того, Китай диверсифицирует и свои транспортные риски, делая ставку на торговый коридор «Китай–Центральная Азия–Западная Азия» как альтернативу поставкам своей продукции в Европу через Сибирь и по Северному Морскому Пути (СМП), который воспринимается строго как страховочный маршрут.

Однако, в перспективе 10-15 лет Россия имеет реальные шансы нарастить свой экспорт в Китай и добиться более активного технологического трансфера со стороны Пекина, если будет продолжать тактику последовательного партнёрства. Несмотря на раздутую популярность темы «безуглеродной энергетики», Китай в глобальной игре «зелёного перехода» является производителем солнечных панелей и других технических составляющих этого процесса, которые поставляет в ЕС и США, а не страной, которая ради этой цели нарушает внутренний энергетический баланс, что особенно характерно для таких стран, как Германия или Великобритания. А это значит, что поставки углеводородов будут в эту страну относительно стабильными, и Россия имеет для КНР серьёзное значение в данном аспекте. Кроме того, во взаимных отношениях Китая и стран Запада будут усиливаться мотивы дэрсинга, когда ЕС и США будут минимизировать экспортно-импортные отношения с Пекином, что заставит его искать альтернативные источники поставок. В то же время, будет нарастать *угроза блокировки поставок нефти и газа через Ормузский пролив в связи с нестабильностью на Ближнем Востоке* или блокировки поставок ресурсов и товаров через Малаккский пролив США с целью давления на Китай. В таких условиях Россия, которая может совершать транзит товаров и ресурсов в полностью безопасном режиме, имеет перспективы увеличить свою долю в импорте энергоносителей Китая до 20-25%, став ключевым экспортёром, и добиться роста поставок китайских товаров через свою территорию как по суше, так и через СМП, что будет сопряжено с ростом китайских инвестиций как в эти проекты, так и в другие смежные технологические проекты в России. На фоне тенденции к росту продовольственной безопасности со стороны Китая, который на текущий момент активно экспортирует продукты как из США, так и из ЕС, он также может обратиться к Москве с целью безопасного импорта аграрной продукции, что создаёт хорошие перспективы для сельскохозяйственного сектора Российской Федерации. В технологической сфере Россия также обладает привлекательными возможностями для Китая. В первую очередь, это касается участия главной российской технологической корпорации «Росатом» в совместном российско-китайском проекте создания термоядерного реактора для дальнейшего создания системы ТЭС на территории обеих государств. Во-вторых, это совместные проекты ОАК и китайской компании COMAC по созданию современных пассажирских самолётов, которые станут вновь актуальными в условиях нарастающей технологической блокады Китая со стороны стран Запада. На этом фоне перспективы к росту имеет и скоординированная экспансия России и Китая в странах «Третьего мира», где Китай берёт на себя базовые производственные и инвестиционные функции, а

Россия может взять на себя функции координации милитаристских структур, политического сопровождения гуманитарных проектов, а также частные вопросы энергетики и транспорта. В отношении работы милитаристских структур, Россия имеет широкие возможности по той причине, что китайские ЧВК, которые работают в Африке и других регионах, избегают публичности и не стремятся участвовать в непосредственных военных столкновениях, которые имеют политический подтекст. В этом отношении российские ЧВК могут брать на себя функции прямой поддержки пророссийских и прокитайских режимов, и КНР взамен на «имиджевые потери» может способствовать передаче Москве концессий и предоставлению других экономических преференции. Непосредственное политическое партнёрство со странами «Третьего мира», в которых Китай будет выступать только с «теневых позиций», также может дать России приоритетные преференции в экономической сфере в тех отраслях, где российские компании могут выступить как инвесторы. В частности, локомотивом развития может стать корпорация «Росатом», ведущая российская высокотехнологичных корпораций, которая будет обеспечивать ряд китайских инвестпроектов с точки зрения энергоснабжения, что усилит синергический эффект. В частности, основным проектом «Росатома» в Африке сейчас является строительство двух АЭС в Мали и Буркина-Фасо, а также уранового ГОК в Нигере, который будет поставлять для них сырьё.

В непосредственно геополитической сфере также стоит ожидать гармонизации связей между Пекином и Москвой, которая также будет связана с ростом напряжённости в американо-китайских отношений, всё острее рискующих перейти в прямой конфликт. Для обеспечения собственного стратегического преимущества Китай будет заинтересован в поддержании стабильного и прогрессивного развития России в экономической, социальной и технологической сфере, без которой немислимо создание «оси сопротивления» попыткам сохранения гегемонии США. На этом фоне будет нарастать конвергенция России и Китая, которая позволит создать устойчивую многополярную систему после ослабления американского влияния. Устойчивый «новый мировой порядок» может быть основан только на компромиссах, потому что в обратном случае «Холодная война» может выйти на новый виток, в котором Китай будет противостоять уже новым конкурентам, в число которых, помимо России, может войти Индия, влиятельные страны Ближнего Востока и того же «Глобального Востока», в чём Пекин не заинтересован. В культурном смысле такая конвергенция будет обеспечиваться общими ценностями, близкими как китайцам, так и русским, в число которых, несмотря на серьёзные ментальные различия, входят коллективизм, патриотизм и склонность к экспансии в широком цивилизационном смысле. Чтобы эти качества не привели

к новой международной нестабильности, Китай не может игнорировать российские интересы, в том числе в Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии.

Второй ключевой страной региона является Индия, которая одновременно является соперником Китая за региональное лидерство, и, в перспективе, международное лидерство, а также партнёром США и ЕС в сдерживании Пекина, но проводит в отношении России прагматичную политику с обратным знаком в сравнении с Китаем. Индия активно наращивает импорт нефти из России, который 2022–2023 финансовом году увеличился в 14 раз с 2% до 19%, и имеются перспективы роста в ближайшие 10-15 лет до 25-30%, особенно если удастся реализовать проект нефтегазового транзита через страны Средней Азии и Афганистан. Аналогичные возможности имеются для роста нефтегазового экспорта и в Пакистан. Индия, которая формально дружелюбна США, при этом, обладает преимуществом относительно легального параллельного экспорта в Россию технологий и технологических товаров в сравнении с Китаем. Так, в 2023–2024 финансовом году экспорт Индии в Россию вырос более чем на 35%. Рост был достигнут благодаря увеличению поставок машиностроительной продукции, включая машины, запасные части для самолётов и электроники, и в последующие годы существуют перспективы для дальнейшего наращивания экспортно-импортного оборота. Кроме того, Индия, как и Пакистан, может стать источником отправки в Россию трудовых мигрантов по аналогии с арабской системой «кафала», в рамках которой эти рабочие не будут усиливать этническую напряжённость на территории нашей страны в случае, если будут строго будут соблюдаться стандарты ОАЭ и КСА. В чисто политической сфере Россия может выполнять роль эффективного посредника в разрешении международных конфликтов между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном, имея со всеми сторонами партнёрские отношения. Геополитически как Индия, так и Россия, заинтересованы, чтобы тотальная гегемония США не сменилась аналогичной и не менее агрессивно гегемонией Китая. Именно этот фактор будет определять их коллективные согласованные действия как на международной арене, так и особенно в регионе «Глобального Востока», где Нью-Дели будет соперничать с Пекином, а Москва сможет на фоне этого противостояния укрепить свои позиции.

Возможности для укрепления своих политических и экономических позиций у России существуют на «Глобальном Востоке» и в других странах, которые составляют в сравнении с Китаем и Индией «второй эшелон». Так, ключевым партнёром России является КНДР. Эта страна является частью системы сдерживания России на Дальнем Востоке, которая блокирует потенциал военной агрессии со стороны Южной Кореи и Японии, а также

поставляет в Россию некоторую современную военную продукцию. В ответ Россия обеспечивает стабильный экспорт в страну энергоносителей, аграрной продукции, металлов и иных ресурсов, которые стабилизируют экономику КНДР. В перспективе Россия может привлекать северокорейских рабочих по системе, аналогичной «кафала», для реализации инфраструктурных проектов на своей территории, а также инвестировать средства в экономику КНДР и её дешёвую и относительно квалифицированную рабочую силу для создания совместных предприятий на территории самой КНДР, если будет достигнута устраивающая обе стороны система безопасной для местных властей российской финансовой «мягкой экспансии». Менее комфортные условия существуют для инвестиций в Монголию, однако Россия может уже в ближайшее время реализовать проект магистрального газопровода «Сила Сибири-2» в Китай, который будет проходить через территорию этой страны. Этот базовый проект, а также географическое положение страны между Россией и Китаем, в перспективе 10 лет могут позволить вытеснить оттуда западных и южнокорейских инвесторов, и Россия сможет получить доступ к добыче таких важных минеральных ресурсов как железная руда, вольфрам, молибден, олово, золото, медь, уран и так далее.

Широкие возможности для расширения своих экономических и политических перспектив Россия имеет и в «нейтральных странах» региона. Так, Вьетнам остаётся значимым импортёром российских вооружений, и традиционные исторические отношения позволяют сохранять дружбу между двумя государствами несмотря на то, что в экономическом отношении главными экономическими партнёрами страны является не только Китай, но и враждебные России Япония, Южная Корея и США. Кроме того, Россия может быть арбитром между Вьетнамом и Китаем в разрешении их противоречий, в том числе в вопросе конфликтов в Южно-Китайском море в отношении принадлежности архипелага Спратли и Парасельских островов. Вьетнам может являться и альтернативным маршрутом технологического экспорта в Россию, также имея преимущество перед Китаем в данном вопросе, потому что обладает статусом страны, которая занимает в конфликте Китая и США «неопределённое» положение, благодаря чему умело получает бонусы от обеих сторон.

Аналогичную позицию занимает и Индонезия, которая претендует на статус регионального лидера в Юго-Восточной Азии на основе своего огромного демографического и экономического потенциала. Главным выразителем такой политики является новый президент страны Прабово Субианто, который в отличие от относительно осторожного во внешней политике предшественника Джоко Видодо, будет проводить курс на большой

национальный суверенитет. Он будет расширять взаимодействие с Россией, риторика которой о новом справедливом мировом порядке импонирует ему, и вопреки санкционным рискам он собирается разместить в новой столице страну Нусантаре представительства российских компаний. В практической экономической сфере Россия может стать партнёром Индонезии в модернизации своей горнодобывающей промышленности. Ещё в 2014 году власти Индонезии запретили вывозить из страны никелевую руду, чтобы стимулировать западные компании к строительству на территории страны современных ГОК, чтобы экспорт никеля из страны имел большую добавленную стоимость. Аналогичные меры предполагается применить в отношении меди, серебра, олова, железной руды и бокситов. Это грозит эмбарго со стороны стран Запада на экспорт добывающего оборудования, который Россия может помочь преодолеть. Ещё более важное значение для Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии является привлечение России к широкому сотрудничеству в отношении китайско-американского противостояния и потенциальной китайской гегемонии в регионе в случае ослабления влияния США. Вовлечение России в дела региона может стать гарантом для вышеуказанных государств, что любая из конкурирующих сверхдержав будет проявлять сдержанность в своих действиях, опасаясь негативной реакции Москвы, которая может встать на защиту правомочных интересов своих партнёров.

Менее обширные точечные возможности имеются в ряде других стран. Так, Россия может создать хорошие инвестиционные возможности в Бангладеш, где точкой роста станет создаваемая «Росатомом» АЭС «Риппур». Кроме того, Бангладеш является одним из возможных источников рабочей силы при реализации проекта в России системы «кафала». Возможно расширение экспорта вооружений и в Мьянму, которая является стратегическим партнёром Китая, стремящегося создать там логистический хаб, страхующий КНР от возможно «перекрытия» Малаккского пролива. В Мьянме Россия может взять на себя как эксплуатацию портовых сооружений и других транспортных проектов, так и оказать поддержку правительству страны в противостоянии с группировками сепаратистов, которые ведут войну с официальными властями на севере страны. Китай на текущий момент не стремится официально вступать в конфликт на территории своего союзника, и Россия с выгодой для себя может взять эти риски по аналогии с аналогичной африканской схемой партнёрства с КНР. Также, Россия может проводить политику информационного давления на общественность таких враждебных стран как Япония, Южная Корея или Филиппины, проводя пропаганду мира и невмешательства, которая востребована в этих странах на фоне страха перед новой мировой войной, в

которой эти государства станут «камикадзе» в плане США по сдерживанию Китая. Обладая хорошим опытом в проведении подобных гуманитарно-политических операций, Россия здесь может выступить эффективнее КНР, которая вызывает большие опасения у японцев, южнокорейцев или филиппинцев. В целом, регион «Глобального Востока» является территорией, состоящей из множества сильных и конкурирующих друг с другом государств, которые обладают большими политическими и лидерскими амбициями. Большинство этих стран играют «свою игру», и не спешат полностью примыкать ни к США, ни к Китаю в новой «Холодной войне». Для России это создаёт выгодные перспективы в качестве «третьей стороны» или «арбитра», который может проводить взвешенную политику, получая доверие даже тех субъектов, которые относительно враждебны друг другу. И, при системной политике «мягкого проникновения» можно материализовать это доверие в политическое и экономическое влияние, обладая на старте относительно слабыми позициями. Ведь запрос на «баланс сил» не изменится, даже если США ослабеют, а Китай займёт их место «державы №1». Более того, при этом сдерживающая роль России в регионе приобретёт дополнительные смыслы и инструменты.

6. Страны глобального Юга и Россия: исламский мир и его роль

Несмотря на всестороннее давление со стороны США и их сателлитов, в настоящее время Россия вступила в период наивысшего влияния в мире, которого не наблюдалось со времен распада СССР. Восстанавливаются традиционные для советского прошлого контакты, основанные на взаимовыгодном сотрудничестве с государствами Африки, Ближнего Востока и развивающимися странами Азии. В то же время активно укрепляются взаимоотношения с государствами, которые ранее относились к зоне влияния США, в том числе со странами Латинской Америки. Своего наивысшего уровня достигло и сотрудничество России с государствами, где преобладающей религией является ислам. Очевидно, что в ближайшие 20 лет степень влияния России в мусульманском мире и степень взаимной интеграции будет только усиливаться. Дополнительным фактором, способствующим этому, безусловно станет рост количества проживающих в России мусульман, многие из которых уже сегодня развивают культурные связи и бизнес-контакты между нашими странами.

На данный момент в мире проживает около 2 миллиардов мусульман. Из них по разным оценкам 87-89% сунниты, а 10-12% шииты (оставшийся 1% это

ибадиты, большинство населения Омана). При этом в 2010 году общая численность мусульман составляла примерно 1,5 миллиарда. Таким образом за 14 лет прирост составил более 500 миллионов человек (увеличение на треть). При сохранении подобных темпов демографии к 2045 году численность мусульман увеличится еще на миллиард, (возможно и более), достигнув 3 миллиардов человек. Таким образом это население будет претендовать на возможности "избирать" курс мирового развития и формировать правила, по которым будет жить остальная часть человечества.

Россия, еще со времен Руси, а затем и Российской Империи исторически развивалась как страна, где ислам существовал рука об руку с православием. Среди влиятельных и богатейших дворянских родов немало имеют мусульманские корни и сыграли важнейшую роль в развитии государства. Это существенно отличает нашу страну от США, Канады и государств Европы (коллективный запад), где мусульмане до сих пор воспринимаются как чужеродный элемент. В России же мусульмане живут давно и являются коренными жителями: составляют большинство сразу в нескольких республиках, где могут устанавливать в качестве государственных собственные языки, наравне с русским, вводить государственные праздничные нерабочие дни и так далее.

Уважительное отношение к мусульманам внутри страны заложило традицию уважения мусульманских государств и во внешних отношениях. Не удивительно, что среди 7 государств мира, первыми признавшими СССР 23 июля 1923 года были сразу три мусульманские: Афганистан, Иран и Турция. На сегодняшний день, авторитет Российской Федерации в исламском мире укрепился настолько, что те страны, которые ранее предпочитали находиться в западном векторе, сегодня все больше занимают нейтралитет, либо тяготеют к симпатиям в сторону России.

Немалое влияние на авторитет России в мусульманском мире оказали успешные кейсы военно-технического сотрудничества с государствами Африки, когда при поддержке российских ЧВК, военных советников и других специалистов из России данным странам удалось сохранить стабильность, а руководителям удержать власть. Эти примеры показали, что Россия способна задействовать целый спектр мер для достижения внешнеполитических результатов. Позитивно в исламском мире восприняли и позицию России по палестино-израильскому конфликту, где Россия осуждает агрессивные действия Израиля и выступает за немедленную деокупацию территории Палестины. Президент России Владимир Путин четко обозначил, что единственно правильным решением будет существование независимого Палестинского государства, как это и предусмотрено решением ООН.

Все перечисленные примеры показали, что России есть что предложить странам глобального юга и взаимовыгодное сотрудничество может иметь множество вариантов как в военном, так и экономическом плане. И если сравнительно небольшие страны могут получить для себя гарантии безопасности и помощь в социально-экономическом развитии, то такие крупные игроки как Китай и Индия с бурно развивающимися экономиками получают от России доступные энергоносители и доступ к рынкам сбыта, в том числе через Северный морской путь.

Мусульманское население России активно увеличивается как за счет высоких показателей демографии в мусульманских республиках России, так и за счет приезжающих в нашу страну мигрантов, основная часть из которых приходится на Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Доля мусульман в населении России стремительно увеличивается и это безусловно станет еще одним фактором, укрепляющим взаимную интеграцию нашей страны с исламским миром. Рассмотрим перспективы сотрудничества с отдельными странами.

Иран. Главным стратегическим союзником России среди мусульманских государств на данный момент является Исламская Республика Иран. Данная страна уже много лет находится под западными санкциями и благодарна России за оказанную поддержку, которая помогала Ирану выстоять и даже развиваться в самые трудные времена. Таким образом, дружба Ирана с Россией проверена временем. После начала СВО теперь уже у Ирана появилась возможность поддержать Россию, помогая обойти западные санкции, организуя параллельный импорт. При этом не следует забывать, что в последние годы идет усиление поддержки Ирана со стороны Китая и сегодня он является главным партнером Ирана наравне с Россией. Благодаря этому Иран развивается чрезвычайно динамично, демонстрируя успехи как в промышленности, так и в науке, не только навязывая конкуренцию Турции в сфере производства беспилотников, но и выводя на рынок автомобили собственного производства. Иран также является важным политическим игроком на Ближнем Востоке, оказывая серьезное влияние на Ливан, Йемен и Палестину, находящиеся на острие противостояния с Израилем - главным союзником США на Ближнем Востоке.

Центральная Азия и Казахстан. Исламские государства Центральной Азии, ранее входившие в состав СССР всегда считались наиболее близкими и надежными союзниками России, и возможно поэтому в 90-е и 2000-е годы им уделялось недостаточное внимание. Это привело к резкому усилению роли иных игроков в данном регионе, прежде всего, Китая и Турции. Китай, в свою очередь, использует экономические рычаги в виде кредитов, инвестиций и

роста товарооборота для того, чтобы закрепить за собой влияние на государства Центральной Азии. Следует признать, что во многом это ему удастся.

На данный момент можно с уверенностью сказать, что влияние Китая в Казахстане сравнимо с влиянием России. При этом не следует забывать о том, что именно Россия является главным экономическим партнером Казахстана. Так за 2023 год на долю России приходится 27,3% товарооборота страны, на втором месте Китай с 26,1%. При этом Турцию, находящуюся на третьем месте по уровню товарооборота, наша страна обошла более чем в 6 раз, а США в 7 раз. Таким образом даже при всех периодически возникающих обострениях на уровне риторики, вызванных действиями отдельных деструктивных сил внутри Казахстана желающих изменить вектор тесного сотрудничества с Россией, тем не менее, Казахстан пока ещё по-прежнему культурно, политически и экономически связан с Россией. Этому способствует тот факт, что между нами проходит самая длинная в мире непрерывная сухопутная граница - 7598,8 км. 15% населения страны (3 миллиона граждан) являются русскими по происхождению. При этом 96,4% граждан Казахстана владеют русским языком. Но связь эта истончается и, если не предпринимать активных усилий, совсем скоро Китай опередит Россию в качестве главного экономического партнёра, а Турция – в качестве главного политического партнёра Астаны.

Если Китай усиливает влияние через экономику, то Турция действует иным путем - использует на полную катушку культурные рычаги, в частности турецкое кино, сериалы и музыку, кроме того агрессивно продвигает идею Турана, который должен объединить все тюркоязычные страны. Данный проект пользуется высокой степенью поддержки в регионе. США и европейские страны действуют через систему грантов и НКО, показывая "преимущества" своего образа жизни, активно раздают молодежным лидерам приглашения на обучение, а затем через них раскачивают свою повестку.

Российская Федерация по-прежнему имеет колоссальное влияние на государства Центральной Азии, прежде всего через инвестиции в экономику и за счет большого количества трудовых мигрантов, работающих в России, денежные переводы от которых составляют весомую долю бюджета их стран. Пожалуй, наиболее ориентированным на Россию государством в регионе является Кыргызстан, входящий как в ОДКБ, так и в ЕАЭС.

Турция. Турция является перспективным торгово-экономическим партнером для РФ и уже сегодня входит в число стран с наибольшим уровнем товарооборота. После начала СВО Турция заняла выжидательную позицию и не вводила санкции против России, однако под давлением Запада все же фактически установила ряд ограничений, которые остановили бурный рост торговли между нашими странами. Турция заинтересована как в российских

энергоносителях, так и в том, чтобы стать энергетическим хабом, в том числе реализуя проект "Турецкий поток". Однако нельзя забывать, что данная страна является для России историческим конкурентом за влияние на Кавказе и в Закавказье, а в данный момент и на Ближнем Востоке. Турция помнит обидные военные поражения от России, продолжает мечтать о Крыме и всегда будет вести собственную игру, балансируя между западом, востоком и Россией. Кроме того, Турция является членом НАТО и претендентом на вступление в Евросоюз.

Саудовская Аравия. Последнее время Россия укрепила отношения с государствами, являвшимися традиционными союзниками США в регионе, прежде всего с Саудовской Аравией и ОАЭ. При этом на территории Саудовской Аравии остаются военные базы США, обеспечивающие в том числе безопасность Израиля, таким образом влияние США на саудитов в любом случае будет превалирующим в сравнении с Китаем или Россией. Саудовская Аравия, используя колоссальные доходы от энергоресурсов продолжает укреплять свою экономику и обороноспособность, располагая одной из сильнейших армий в регионе. Тем не менее **безопасности Саудовской Аравии может в перспективе угрожать Иран**, который пытается стать главной страной на Ближнем Востоке. Таким образом Саудовская Аравия заинтересована в том, чтобы через Россию влиять на Иран, чтобы "дозировать" его активность в регионе, сводя ее к влиянию прежде всего на шиитские государства - Ливан и Йемен. При этом Саудовская Аравия использует расположение главных мусульманских святынь и центров паломничества на своей территории (Мекка и Медина) как факторы влияния на мусульманский мир в целом.

Индонезия. В исторической перспективе ключевым государством в исламском мире может стать Индонезия, которая уже сегодня является самой населенной мусульманской страной на планете (население 275 миллионов, 4-е место среди всех стран мира после Индии, Китая и США). Когда речь заходит об исламских государствах, на слуху как правило такие страны как Турция, Египет, Иран и Саудовская Аравия, активно проводящие внешнюю политику. Однако именно Индонезия имеет серьезные перспективы для роста, поскольку у нее большое, растущее население, немалая территория (15-е место в мире) и близкое расположение к Австралии, богатой природными ископаемыми, для разработки которых потребуется больше людских ресурсов (собственное население Австралии всего 27 миллионов, что в 10 раз меньше населения Индонезии). Уже сегодня Индонезия находится на 7-м месте в мире по ВВП (8-е по ППС). И очевидно, что по мере дальнейшего укрепления экономики Индонезии будет расти и ее политический вес.

Потенциальные конфликты и роль России

Последний раз великие державы вступали в прямое военное противостояние в 1945 году, когда завершалась Вторая мировая война. В последующие годы все конфликты были опосредованными. Так и сегодня Иран поддерживает «Хезболлу» и «Хамас» против Израиля, а США и Запад поддерживают Украину против России. В свою очередь, Иран проводит операции по ликвидации лидеров «Хезболлы» и «Хамаса» и даже высоких лиц Ирана, однако при этом уровень прямого конфликта между Ираном и Израилем до сих пор минимален (иранские ракеты, выпущенные по Израилю в основном, летят в пустыню). Это результат понимания того, что когда два сильных игрока вступают в "драку", последствия ее будут гораздо более разрушительными, чем когда дерутся сильный со слабым. Сильный быстро побеждает и на этом все заканчивается. Когда противники равные - они дерутся порой до полного уничтожения. Так может случиться и в результате войны между Израилем и Ираном. Численность иранской армии намного превышает израильскую. Таким образом становится очевидным, что Иран способен не только победить израильскую армию, но и оккупировать все израильское государство. Не дожидаясь этого, Израиль применит атомное оружие, чтобы избежать такого поражения. ***В результате радиоактивного заражения территории Ирана станет невозможной добыча нефти и газа***, которыми столь богато данное государство (2-е место в мире по доказанным запасам газа и 3-е место по нефти). Это не только резко поднимет цены на энергоносители, но и ослабит развитие мировой экономики. Поэтому как бы сильно лидеры Запада не хотели ослабления Ирана, вариант радиоактивного заражения для них неприемлем. Они скорее будут систематически работать над изменением правящего режима, чем допустят ядерный конфликт. Выходит, что война между Израилем и Ираном возможна, но маловероятна. Ту же аналогию можно привести и в случае противостояния Ирана с Саудовской Аравией. Они могут конкурировать на уровне информации и прокси-сил, но не в прямом столкновении. Очевидно, что Иран претендует на роль лидера мусульманского мира, которую сегодня играет Саудовская Аравия, используя то, что совершение хаджа в Мекку является одним из пяти столпов ислама и места паломничества мусульман всей планеты по факту сделали Саудовскую Аравию своеобразной "столицей" исламского мира. При этом получение высшего образования мусульманскими религиозными деятелями традиционно происходит в Египте. Именно это государство держит лидерство в образовательной сфере и имеет возможность влиять на умы тех, кто в дальнейшем будет обучать молодежь в своих странах. В то же время Турция видит себя политическим лидером, активно проводя внешнюю политику, действуя через диаспоры в Европе, продвигая проект

"Туран" и осуществляя культурную экспансию. Безусловно, высокая степень личной свободы, свойственная турецкому образу жизни усиливает симпатии в сторону Турции. Таким образом, каждая из стран, претендующая на лидерство использует свои наиболее сильные стороны и механизмы, предпочитая не вступать в прямое противостояние друг с другом.

Существует вероятность того, что для ослабления Турции, все больше превращающейся в Османскую Империю, ***Соединенные Штаты попробуют реализовать проект создания независимого Курдистана***. На данный момент курдов в мире более 53 миллионов и это один из наиболее многочисленных народов, не имеющих собственного государства. От 19 до 25 миллионов курдов живут в Турции, от 10 до 12 миллионов в Иране, до 9 миллионов в Ираке, до 4 миллионов в Сирии. Таким образом, создание нового государства за счет отторжения части территории Турции, Ирана, Ирака и Сирии может стать для американцев прекрасным способом ослабления данных стран. Кроме того, это даст возможность США иметь стабильного союзника в этой части Ближнего Востока и в непосредственной близости к России. Однако реализация такого сценария невозможна без полномасштабной войны на территории сразу четырех государств, а возможно и выходящей за их пределы.

С момента начала Специальной Военной Операции взор мировых алармистов прикован к Тайваню и перспективам его возвращения Китайской Народной Республикой. Однако несмотря на интенсификацию военных учений КНР в регионе, а также провокационные визиты на остров руководителей американского Конгресса, **перспектива начала «горячей фазы» конфликта Пекина и Тайбэя довольно туманна**. Официальные власти КПК не форсируют переход от ритуальных деклараций о непризнании Тайваня к общественной подготовке к боевой операции в отношении «другого Китая». И для этого есть множество причин – только недавно ставший мировым экономическим лидером Китай слишком долго шёл к нынешнему уровню экономического развития, чтобы так дешево и быстро его разменять на сомнительные перспективы вооружённого присоединения своей бывшей территории, не являющейся сколь либо критичной с любой точки зрения. Тем более, что реальный боевой опыт Народно-освободительная армия Китая последний раз имела 45 лет назад во Вьетнаме и его нельзя назвать успешным. А цена, которую бы Китаю пришлось заплатить за свою тайванскую авантюру, при администрации Трампа только вырастает – потому вряд ли сосредоточенные, прежде всего, на собственном экономическом росте пекинские власти готовы рискнуть своим мировым экономическим присутствием ради неочевидной перспективы возвращения мятежной прежде провинции.

Из потенциальных конфликтов, которые могут произойти в ближайшие 20 лет и где Россия может проявить себя в качестве сдерживающей силы – это противостояние между Индией и Пакистаном, которые уже сегодня имеют между собой замороженный конфликт по поводу штата Джамму и Кашмир. Несмотря на то, что Китай считает себя главной силой в Азии, тем не менее фактор того, что Индия является прямым экономическим и политическим конкурентом Китая за влияние в регионе, а Пакистан традиционно тесно связан с США, не позволят Китаю полноценно влиять на стороны конфликта. В то же время именно Россия, имеющая большую историю дружбы с Индией и будучи страной-другом мусульманского мира, сможет эффективно разговаривать с обеими сторонами, не претендуя на навязывание им своей воли, но в то же время предлагая преимущества мирного сосуществования в большом евразийском проекте.

Резюме – только Россия с её репутацией друга мирового ислама может стать единственным альтернативным Западу посредником в урегулировании вопросов с исламской уммой для проводящих не всегда дружественную исламскому миру политику Пекина и Дели.

По мере взаимной интеграции России со странами исламского мира будет расти как наше влияние на эти государства, так и их влияние на нашу внешнюю и что немаловажно внутреннюю политику. Сегодня наблюдается определенный рост напряженности в межнациональных отношениях, однако он нивелируется активной работой силовых структур. Тем не менее, по ходу роста числа мусульман в России будут необходимы и другие механизмы, основанные прежде всего на усилении роли образования и идеологической работы с населением.

Также следует отметить, что страны исламского мира наращивают свое влияние как в экономическом, так и в военно-политическом направлениях. Например, в ядерном клубе уже присутствует одно мусульманское государство - Пакистан (население 242 миллиона человек), в другом государстве-члене ядерного клуба - Индии мусульманами являются 14,4% населения страны (более 200 миллионов человек). Еще одно мусульманское государство близкое к тому, чтобы обладать собственным ядерным оружием — это Иран (население 90 миллионов), который уже сегодня располагает баллистическими ракетами, способными доставлять ядерные заряды на дальнее расстояние. А вопрос о наличии самих зарядов - дело времени. Мусульманские страны усиливают свой военный потенциал и по другим ключевым показателям. Так Саудовская Аравия находится на 5 месте в мире по объему военного бюджета, при этом находясь лишь на 45 месте по количеству населения. Это говорит о серьезных военных амбициях королевства. Кроме того, в десятку стран мира с самой большой

численностью вооруженных сил входит Египет (население 108 миллионов человек). Учитывая стремительное усиление мощи и геополитического влияния мусульманских стран, а вместе с тем и постоянно растущую конкуренцию между ними, логично приводящую к обострению, Россия, обладающая колоссальным опытом прочных отношений с исламскими государствами, основанными на уважении и балансе интересов, может стать ключевым медиатором, обеспечивающим мир и стабильность на нашей планете.

7. США и страны Латинской Америки: партнерство или противостояние с РФ

Состоявшиеся 5 ноября 2024 года выборы в Соединенных Штатах не просто принесли триумфальный успех экс-президенту Дональду Трампу, обеспечив ему голоса 312 выборщиков и примерно 75 миллионов избирателей, но и на довольно продолжительное время гарантировали преобладание республиканской партии в политическом пространстве Америки.

Многим в российском политическом классе представляется, что Трамп может настолько жестко развернуть течение американской, а, соответственно, и всей западной истории, что противостояние России и коллективного Запада просто сойдет на нет по причине исчезновения этого самого «коллективного Запада». Речь идет не только о вышеупомянутых культурных вкусах Трампа, которые, вне всякого сомнения, разведут его с либеральной Европой. В отличие от Байдена, сделавшего ставку на укрепление трансатлантических отношений, Трамп явно равнодушен к самой идее атлантического единства. Не случайно, в лексикон европейской политической мысли вошло понятие «пост-атлантизм», которым обозначается представление о неизбежности ухода США из Европы и, соответственно, о необходимости обретения континентом полноценной субъектности в сфере безопасности.

Но если Трамп уйдет из Европы, то есть перестанет поддерживать Украину в конфликте с Россией и потребует от стран континента больших вложений в собственную оборону, то это не будет означать отказа от американского гегемонизма. Этот гегемонизм, безусловно, сохранится, только видоизменится. Трамп, скорее всего, продолжит политику сдерживания Китая и начнет выдавливать своих соперников, включая Россию, из Ближнего Востока и Латинской Америки. *Ловким и прогнозируемым ходом для него мог бы стать своего рода неформальный размен Украины на, скажем, Венесуэлу.* Что касается разрешения украинского конфликта, то Трамп либо заключит выгодное для себя и пристойное для Украины перемирие с Россией, либо сбросит Украину на попечение Европы. Похоже, другой политики в отношении этого

вопроса в близком ему экспертном сообществе просто не просматривается. Но судя по появлению в качестве номинанта на пост госсекретаря потомка кубинских эмигрантов и сенатора от штата Флорида Марко Рубио, Трамп всерьез задумывается о том, чтобы в полной мере возродить так наз. доктрину Монро, начав политику вытеснения недружественных держав из западного полушария. Венесуэла - интервенцию, в которой в 2019 году готовил именно сенатор Рубио - выглядит в этом отношении приоритетной жертвой.

Для России такого рода размен - Украины на Венесуэлу - будет выглядеть двояко. С одной стороны, Россия как союзница Китая и дружественное Венесуэле государство, разумеется, не примет подобного рода жесткие действия и будет продолжать воспринимать Америку как империалистическое государство с неокOLONиальными замашками. Но, с другой стороны, действия Трампа фактически будут означать демонстративный отказ от либерального глобализма в духе всей риторики Нового мирового порядка или же глобализации (речь о дискурсе о мире без сфер влияния и правовом равенстве всех держав), что, разумеется, поставит под сомнение весь круг идей, который оправдывал продвижение НАТО на восток и отрицание права России контролировать политику соседних государств. Реабилитация «доктрины Монро» будет означать торжество старого американского реализма в духе Теодора Рузвельта или Ричарда Никсона

Вероятно, аналогичным образом и будут развиваться отношения России с Соединенными Штатами до 2045 года. Только следует учитывать, что сам факт отказа от моралистического осуждения противника и разблокирование возможностей для диалога «поверх идеологических барьеров» ни в коей мере не будет означать, что Россия, США и Китай смогут реально разделить «сферы влияния». Что США не будет стремиться проникнуть в российское подбрюшье, скажем, в Центральной Азии, а Россия откажется от сотрудничества со странами Латинской Америки. Напомним, что ничего подобного не было и в эпоху «разрядки», когда США произвели государственный переворот в Чили, а кубинские войска при поддержке СССР смогли взять под контроль Анголу.

Но это означает, что идеологические противоречия приобретут уже другой характер: ***Россия вынуждена будет лезть, чтобы бороться за влияние на не принимающие гегемонизм США страны, а США, соответственно, праветь***, в том числе и для того, чтобы находить аргументы против китайской и отчасти российской экспансии. Отметим, что нам бы представлялось более рациональной для России изоляционистская политика, которая не сделала бы нас активной участницей Новой Холодной войны, однако сейчас перспективы утверждения такого мягкого изоляционизма (в духе индийского неприсоединенчества) просматриваются весьма слабо. Так что

самым вероятным прогнозом на будущее было бы активное включение России в Холодную войну с США, но при возможности периодических «разрядок» отношений для недопущения выхода конфликта на уровень ядерной эскалации.

Зададимся теперь вопросом, почему одним из основных полей данного противостояния, по всей видимости, станет континент Южной Америки?

Помимо внутренних, вполне очевидных факторов поражения демократической партии имеется и одна внешняя причина, которая не лежит на поверхности. Как это ни парадоксально, эта причина отчасти связана именно с Латинской Америкой. В какой-то мере именно ситуация на этом континенте определила не только исход этих выборов, но и траекторию политического развития Соединенных Штатов на долгие годы. В геополитике существует представление о территориях-лимитрофах: речь идет о странах или народах, расположенных между двумя полюсами силами и тяготеющих либо к одному, либо к другому. В иных случаях одна часть страны стремится заручиться поддержкой одного полюса и, соответственно, ее конкуренты надеются на помощь другой. Такой лимитрофной территорией издавна была Восточная Европа, народы и политические элиты этого региона попеременно склонялись то в сторону Запада, то в сторону России, либо рассчитывая на союз с англо-французским блоком, либо делая выбор в пользу Германии и ее союзников. В последние несколько лет главным «яблоком раздора» между Западом и Востоком стала Украина, разные части этой расколотовой страны тяготели к разным цивилизационным полюсам и поэтому соперничество по поводу Украины сделало невозможным лояльное партнерство России и НАТО. Приняв как роковую неизбежность отход в сторону Запада бывших стран Варшавского договора и республик Прибалтики, Россия весьма болезненно воспринимала желание Запада поглотить всю Украину, отчасти по той причине, что значительный сегмент составляющих ее территорий не был готов разорвать связи с Россией ради интеграции в Европу и тем более ради утверждения украинской национальной идентичности. Важно, однако, другое: Украина сама фактом своего существования, своим конфликтным потенциалом делала практически неизбежным не просто внешнеполитический конфликт России и западного блока, но также выпадение России из западного цивилизационного влияния. Если бы Украины не существовало, на Западе не было бы столь мощного усиления русофобии и также не возникло такого равно ожесточенного отношения к Западу в России.

Аналогичную той роли, которую в расхождении Запада и России сыграла Украина, в политическом разводе США и Китая исполнила Латинская Америка. Любопытно, что еще несколько лет назад, до первого воцарения Трампа на

вершине политической власти в США, американские политические деятели смотрели на экономическое проникновение Китая на юг Западного полушария довольно равнодушно или даже снисходительно. Тогда господствовала идея глобализации и свободного рынка, понятия «сферы влияния» и зона приоритетных интересов были не в моде. Все изменилось в 2016 году, с первым приходом Трампа в Белый дом, постепенно представление о «сферах влияния» начало вытеснять образ «плоского мира», с открытыми границами и свободным движением капиталов. Американские политики постепенно стали вспоминать добрыми словами или осмеливались делать вполне прозрачные намеки о положительной роли доктрины Монро. Антикитайская направленность этих намеков не вызывала больших сомнений. Принятая в 1823 году внешнеполитическая доктрина, связанная с именем пятого президента США Джеймса Монро, имела три важнейших пункта. Она настаивала на 1) разграничении сфер влияния между Америкой и Европой, 2) недопущении повторного завоевания колониальными державами освободившихся от их власти стран, 3) невмешательстве европейских держав в дела Западного полушария.

Любопытно, что администрация Байдена, пришедшая к власти в 2021 году, фактически продолжила антикитайский курс ее предшественника (что, кстати, делает некорректным ходячее обозначение сторонников этого курса, как глобалистов), не ослабив, но усилив направленные против Китая торговые санкции. Байден просто придал этому давлению на Китай идеологическое звучание, для его команды Китай перестал быть просто геоэкономическим конкурентом, он превратился в идеологического противника. Соответственно, его экономическое проникновение в Латинскую Америку стало представляться не расширением торговых возможностей ради вполне естественного поиска новых рынков, но зловещей попыткой подорвать молодые латиноамериканские демократии ради утверждения авторитарной, или тоталитарной модели политического устройства. В последние годы определенное влияние в экспертных кругах Америки приобрели тексты известного политолога, специалиста по проблемам континента, сотрудника Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Роберта Эвана Эллиса. Исследователь не уставал утверждать в каждой из своих многочисленных статей, что финансовые инвестиции Китая в экономику и Венесуэлы или Никарагуа и в их технологическое обновление объяснялись стремлением обеспечить латиноамериканские диктатуры надежным средством контроля над населением. Той же цели служило предоставление режимам Чавеса и Мадуро 59,2 млрд. дол в обмен на нефть, а также передача сандинистскому режиму в Никарагуа 567 млн. дол финансовой помощи. Разумеется, и продажу Бразилии и Эквадору

телекоммуникационной продукции Эллис оценивал как попытку распространить в Латинской Америке те же электронные средства отслеживания поведения своих граждан, которыми располагают и которыми активно пользуются коммунистические власти Китая.

Любопытно, что при всей идеологической враждебности китайскому присутствию в южной части полушария администрация Байдена не смогла противопоставить влиянию Пекина какую-то внятную экономическую или же политическую альтернативу. Как утверждают эксперты, западные страны не предложили реальной замены китайским технологиям, в частности линии 5 G, поскольку конкуренты Huawei, включая такие компании, как Ericsson, Nokia, Samsung предлагали более дорогую продукцию, а Вашингтон отказывался финансово возместить возможные убытки.

Между тем, проблема для Байдена и либерального истеблишмента в целом не исчерпывалась лишь тем фактом, что Запад стал проигрывать технологическую конкуренцию Китаю. Основная сложность заключалась в том, что те в Латинской Америке, кто оставался лоялен Америке и хотя бы на словах оппозиционен китайскому влиянию, испытывали симпатии отнюдь не к демократам, но именно к Трампу. И, напротив, те, для кого американский трампизм ассоциировался с наследием местных правых диктатур, те, как правило, в силу своих социалистических симпатий были вполне готовы сотрудничать с Китаем и не имели большого желания поддаваться прессингу Вашингтона.

Администрация Трампа просто фактом своего происхождения обречена на более жесткую, более конфронтационную политику в отношении нелояльных режимов Латинской Америки. Трампизм – это латиноамериканский вирус, внесенный в либерально-центристскую, политкорректную Америку, привыкшую сглаживать крайности и примирять непримиримое. Поэтому Трамп неизбежно потянется к Югу континента, он будет вновь и вновь вспоминать доктрину Монро, он будет создавать мощную политическую клиентелу в южноамериканских странах, укрепляя свою политическую базу. Здесь нужно отметить несколько важных моментов.

Трамп, вне всякого сомнения, оказался востребован американским политическим классом как человек, способный решать нерешаемые, то есть неудобные, некомфортные для решения политические вопросы. Сейчас главный из этих вопросов — миграционный и все последние назначения Трампа свидетельствуют о том, что он готов решить проблему нелегальной миграции и товарного демпинга из Мексики жесткими мерами.

Весьма вероятно, что несмотря на известное неприятие Трампом военных методов решения проблем, *одну вооруженную интервенцию ему все-таки*

придется осуществить — и это интервенция в Венесуэлу. Сенатор от штата Флорида Марко Рубио после своего утверждения окажется первым латиноамериканцем на посту госсекретаря, и едва ли причиной его номинации стала не предельная враждебность к Китаю и его латиноамериканской клиентеле, в первую очередь к режиму Мадуро. Известно, что Рубио активно лоббировал в 2019 году выдвижение оппозиционного политика, спикера Национального собрания Хуана Гуайдо в качестве и.о. президента страны. Тогда Гуайдо оказала поддержку администрация Трампа и целый ряд латиноамериканских государств, включая Перу и Чили. Мадуро остался у власти, но едва ли Трамп, выдвигая вперед такую фигуру, как Рубио, не понимает, что для Каракаса это равнозначно открытому объявлению войны. Другое дело, что Мадуро — это не Саддам Хуссейн и он может поддаться на прямое давление, добровольно покинув пост на гарантии безопасности.

Если Байден пошел на частичное примирение с режимом Мадуро, ослабив санкционный режим и отказавшись от всех планов по смене власти в Каракасе, то Трамп не может не видеть в венесуэльском президенте излюбленную жертву, какой для Буша-младшего оказался Хусейн, а для Хиллари Клинтон, вероятно, Каддафи. Каждый американский президент хочет быть немного римским цезарем, каждый хочет провести свой триумф и провести в обозе своего Венцингеторикса, которого потом можно будет спокойно повесить. Это вторая - темная - сторона римского культурного и политического наследия, отличающегося от греческого и славянского - здесь как раз принято почитать и даже приветствовать пленных врагов (вспомним отношение Петра к побежденным шведам или отношение Александра II к Шамилю). Едва ли Трамп слишком отличается в лучшую сторону от своих предшественников. Впрочем, как любитель сделок, он может попытаться договориться с нелояльными южноамериканскими режимами по-хорошему. В любом случае мы будем свидетелями возрождения американского гегемонизма в отношении Южной Америки.

Сосредоточение на делах Южной Америки позволит Соединенным Штатам найти довольно логичное оправдание для отхода от дел Восточной Европы, в частности, Украины. Фактически каждый из флангов американского республиканизма получит свое доходчивое объяснение, зачем США Латинская Америка и почему она ушла из Украины. Изоляционисты оценят этот шаг как возвращение к себе и сосредоточение на делах Западного полушария, реалисты воспримут с удовлетворением воскрешение концепта «сфер влияния» и расценят как вполне законное вытеснение российско-китайского альянса из американского подбрюшья, наконец, неоконсерваторы смогут продать тот же шаг как продолжение наступления на авторитарную «ось сопротивления» на

другом участке глобального фронта. Каждый из сегментов республиканского политического сообщества сможет развить в нужном направлении каждую из этих интерпретаций, чтобы расценить отход от украинских дел как законную переориентацию геополитического влияния, необходимую для достижения истинных национальных интересов.

Можно также предсказать, что этот альянс изоляционистов, реалистов и неоконсерваторов не окажется длительным и прочным. Противоречия все-таки будут разрывать новую администрацию. Для изоляционистов приоритетной окажется миграционная политика, мало совместимая с активным интервенционизмом, неоконсерваторы же, напротив, будут готовы пожертвовать последовательностью миграционного курса во имя продолжения империалистического проекта, который наверняка будет иметь и другие измерения, помимо южноамериканского. В итоге, трампизм второго срока, вероятно, расколется на несколько альтернативных течений, условно говоря, партию Вэнса и партию Рубио. Хотя уже сейчас можно констатировать, что в ближайшие четыре года партия Рубио будет иметь тактическое преимущество над все-таки более маргинальной в элите, хотя и популярной среди избирателей партией Вэнса, в успехе которой Россия, разумеется, наиболее заинтересована. Впрочем, этим партиям еще предстоит столкнуться в решении украинской проблемы, едва ли интервенционистское крыло партии, стоящее за кандидатурой Рубио, так быстро отступит и позволит России реализовать все цели СВО. И поэтому все планы возрождения доктрины Монро будут отложены до того момента, когда лично Трамп сделает выбор — добиваться выгодной сделки с Россией или же оставлять Украину на попечение Европы и самой себя. Мы полагаем, что в настоящий момент избранный президент США еще не принял по этому поводу своего окончательного решения.

Просуществует ли трампизм до 2045 года?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует разобраться с терминами. В политическом дискурсе — не только российском, но преимущественно американском — существует явно неадекватное представление о Трампе и трампизме как национал-популизме, и о противостоящем ему либерализме в духе Байдена как о глобализме. Оба термина сегодня совершенно не соответствуют действительности. Прежде всего, Байден, во всяком случае в течение своего президентского срока, уже не был никаким глобалистом. Глобалистами были Билл Клинтон и Барак Обама, они действительно надеялись превратить Соединенные Штаты в своего рода глобального лидера, лидера всего человечества, и оба делали ставку на международные организации, действующие под эгидой США: Клинтон делал упор на Всемирную торговую

организацию, куда с его содействия был принят Китай, при Обаме возникла и стала активно действовать такая совещательная площадка, как G-20. Что касается Байдена, то его главной задачей стало укрепление трансатлантических связей, в этом смысле его приоритетом было обеспечение солидарности стран в рамках НАТО и G-7. Но мир за пределами «коллективного Запада» фактически вышел из-под его подчинения: обратной стороной укрепления Запада и НАТО стало значительное усиление БРИКС и создание враждебной США оси Тегеран-Пхеньян-Пекин, к которой была вынуждена примкнуть и Москва.

Задача Трампа, соответственно, прямо обратная, прекратив все разговоры о преимуществах демократий над автократиями, восстановить партнерство с региональными союзниками США, далекими от стандартов либеральных демократий, и как сверхцель — расколоть БРИКС и столкнуть Россию с Китаем. Уже по всем основным номинациям мы видим, что в международной политике Трамп отнюдь не изоляционист, а самый настоящий глобалист рейгановского толка, с претензией обеспечить подлинную гегемонию США на планете, в том числе за счет партнерства со странами, далекими от либерально-демократических стандартов. Безусловно, это не финальная точка развития глобального американского проекта, это лишь необходимое отступление от магистрального направления этого проекта, который рано или поздно должен будет привести к глобальному торжеству западной, атлантической цивилизации с ее постиндустриальными приоритетами и выборочной кооптацией в свой состав новых членов — как отдельных индивидов, так и целых стран и народов.

Едва ли трампистам удастся реализовать все свои цели в течение отпущенных Трампу 4 лет, наверняка, трампизм как тактическое отступление от магистральной цели продлится в течение последующих четырех лет. Но уже в этот период Запад и, в частности, США будут стремиться вновь подтвердить свое глобальное лидерство за счет радикальных технологических инноваций — в области продления жизни, преодоления самых опасных болезней, развития искусственного интеллекта и совершенствования виртуальных развлечений. Едва ли состав «коллективного Запада» не претерпит определенных изменений, нельзя исключить, что его состав пополнится теми странами, элита которых захочет приобщиться и приобщить свои народы к этим новым технологическим достижениям. Итогом деятельности Трампа и его преемников должна будет стать глобальная цивилизация будущего, которой окажется способны противостоять либо дикари, либо фундаменталисты разных мастей, либо замкнувшиеся в своей отчужденности от мира государства-автаркии. В принципе, Россия заинтересована сейчас в том, чтобы логика многополярности продолжала работать и при Трампе, и логика приоритетной приобщенности к благам передовой цивилизации не возобладала бы над логикой суверенитета,

национального или цивилизационного. В этом смысле следовало бы понять, что **Россия могла бы взять на вооружение из арсенала альтер-глобализма, скажем, экологическую проблематику**, несомненно враждебную трампизму, или же логику свободного обмена информацией, что будет противоречить новому пафосу закрытости и инклюзивности. Очевидно, что международная политика Трампа — рейганистская по своей направленности — будет вступать в противоречие с его приверженностью протекционистской экономической политике, от которой он, судя опять же по номинациям, не отрекается. Наша задача сделать это противоречие более выпуклым и наглядным, играть на то, чтобы экономический и миграционный протекционизм в команде Трампа взял все-таки верх над рейгановским интернационализмом во внешней политике. Следует всегда помнить, что трампизм — сам по себе не отказ от логики однополярного мира, но, напротив, неизбежный тактический маневр на пути к ней. Задача России состоит в том, чтобы этот маневр фундаментально провалился, и к 2045 году миропорядок более соответствовал полифоническому миру государств-цивилизаций, а не был выстроен как пирамида, на верху которой находились бы глобальные вершители судеб, приобщенные ко всем благам трансгуманистического производства, а внизу все, кто счел для себя невозможным оторваться от своей почвы и своей веры. В этом смысле следует надеяться и на то, что в противовес укрепившемуся трампизму Россия сумеет выстроить отношения с теми странами Европы, кто будет настроен критически к антидемократическому миру вертикальных иерархий, основанному на голом экономическом прагматизме и национальном эгоизме.

8. Россия и Европа: модели взаимодействия

Споры о том, является ли Россия европейской цивилизацией, ведутся не одно столетие, как минимум с того момента, как царь Петр I прорубил окно в Европу. В разные эпохи отношения между Россией, Российской империей, Советским Союзом и европейскими государствами колебались от состояния войны до партнерства, дружбы и различного рода союзов. Однако на протяжении последних трех сотен лет мейнстримной была точка зрения, что Россия все-таки часть Европы. И в нашем исследовании мы будем также исходить из этого представления. Что не отменяет концепцию включения Европы в большую Евразию, о которой недавно публично заявил премьер-министр Венгрии Виктор Орбан («Эпоха 500-летнего доминирования Запада подошла к концу, наступает новое время – эра Евразии»).

На сегодняшний день, Европа сцементирована политико-экономическим фундаментом ЕС, она представляет собой единый политико-экономический субъект, который, конечно, очень сильно связан с Соединенными Штатами Америки, но все-таки внутри континента обладает определённой субъектностью. В разговоре о том, каковы будут модели взаимодействия России и Европы к 2045 году, надо прежде всего ответить для себя на вопрос, что будет с Европейским Союзом к 2045 году. Сохранится ли он в сегодняшнем своем виде или претерпит какие-то изменения. Судя по тому, что последнее расширение Европейского Союза состоялось в 2014 году, когда в ЕС вошла Хорватия, и вот уже 10 лет ЕС не пополнялся новыми членами, мы исходим из предположения, что *глобально интеграция на европейском континенте завершена*. Если какое-либо государство и может еще пополнить ряды ЕС, то это уже произойдет только за счет силы инерции и/или небольших размеров страны. Мы предполагаем, что в лучшем случае Черногория может стать членом Европейского Союза в обозримое время, но дальнейшее расширение ЕС уже сталкивается с непреодолимыми проблемами в виде исчерпания ресурса привлекательно бренда ЕС для населения сопредельных стран и восприятия европейскими элитами таких стран-доминант, как Сербия, которую в ЕС никогда не считали своей, и других стран, например, Молдавии, Грузии или Украины, которые с точки зрения европейских ценностей всегда были еще дальше от Европы.

Процесса европейской интеграции, начавшегося в начале 1970-х годов, хватило на 50 лет. Его пиком стало начало 21 века, когда было самое мощное расширение ЕС в 2004 году, но после этого мы видим уже стагнацию, за которой начинается падение. В своих футурологических прогнозах мы исходим из того, что формально Европейский Союз, скорее всего, сохранится в том виде, в котором мы его знаем сегодня, но фактически внутри него отношения между Брюсселем и членами Европейского Союза, а также между странами-членами ЕС могут претерпеть существенные изменения.

Одной из главных тем на фоне продолжающегося военного конфликта на Украине является тема европейской безопасности вне НАТО – конкретно, вопрос создания общеевропейской армии. Страны Европы, не являющиеся членами НАТО хотят видеть себя в составе какого-то единого континентального блока безопасности.

Второй вопрос – миграция. Очевидно, что нынешняя иммиграционная политика ЕС уже потерпела полное фиаско. Она не может дальше продолжаться в таком виде, значит этот процесс примет обратный характер, уже в ближайшее время Европейский союз будет постепенно идти по пути ужесточения миграционных норм. И новые волны миграции, как это было в 2015-2016 годах,

мы уже не увидим. Процесс поэтапного мягкого выдавливания мигрантов из стран Европейского Союза будет идти медленно, но последовательно.

Третий момент — это перспективы пересмотра единой бюджетной политики ЕС. Мы видели полное отсутствие какой-либо солидарности, когда была пандемия, и европейские страны буквально воровали друг у друга гуманитарную помощь. Наше предположение состоит в том, что в перспективе 20 лет в Европе будет каждый сам за себя, и все активнее внутри ЕС станет применяться та модель, которую сейчас демонстрирует Виктор Орбан в отношениях с Брюсселем. В результате она станет доминирующей для большинства стран членов Союза.

Далее про горизонтальные взаимоотношения внутри ЕС. В перспективе снижения зависимости от Брюсселя в силу набирающего обороты экономического кризиса члены Союза будут более свободны в своих действиях как вовне, так и внутри ЕС. Начнём с двух главных партнеров-конкурентов, основы Европейского Союза – Франции и Германии. Насколько эти страны будут двигаться параллельными курсами в перспективе ближайших 20 лет?

Предположим, как поведёт себя Берлин вследствие победы во Франции на следующих президентских выборах 2027 года Марин ле Пен? Станет ли Германия после грядущих внеочередных выборов в Бундестаг в феврале 2025 года с наиболее вероятным представителем Христианско-демократического союза во главе альтернативным либеральным центром? Скрытая конкуренция между Парижем и Берлином за доминирование в ЕС присутствовала всегда. Обретёт ли она идеологическую подоплёку после вероятной победы Ле Пен – неоконсервативная Франция против либеральной Германии или нет?

В любом случае, давно идёт общее поправение Европы, но предыдущие 10 лет его пытались всячески погасить. Сейчас мы видим, что погасить его не получается. И волна евроскептиков будет только нарастать. При этом надо понимать, что евроскептицизм будет не только правым, но и левым - тому пример растущие на глазах проценты менее года назад созданного Союза Сара Вагенкнехт в Германии. Стоит учитывать, что приход к власти Марин Ле Пен в 2027 году — это совсем не то же самое, что приход к власти ее отца в 2002 году. Это совсем другая партия, совсем другие люди. Можно предполагать, что эффект от избрания Ле Пен на пост президента Франции будет сравним с эффектом от первого избрания Дональда Трампа в 2016 году президентом США. В любом случае европейским трендом станет борьба за больший суверенитет своих стран, более автономную и независимую политику. Однако же надо понимать, что Европейский Союз — это, прежде всего, сообщество институтов, которые крепко-накрепко связывают объединение. А чтобы

разорвать эти институциональные связи потребуется очень много сил и времени.

Исходя из концепции дальнейшей суверенизации Европы, конечно, члены ЕС будут более свободны от Брюсселя, а значит и от любого внешнего давления в вопросе выстраивания отношений со всем миром, прежде всего с Востоком - с Россией и Китаем. В этом смысле чем меньше будет экономическая привязка к Брюсселю, тем больше будет заинтересованность в сотрудничестве с Пекином и Москвой. Как это может выглядеть? Уже сегодня в Европе наблюдается рост безработицы. В ситуации любого экономического кризиса, конечно, взоры автоматически будут направлены туда, куда перекочевали деньги. Деньги уже давно перекочевали на восток, поэтому это будет золотая эра, золотая эпоха для взаимоотношений отдельных европейских стран с Пекином. Ну и в некотором смысле, конечно, ренессанс отношений с Россией, потому что Европа будет продолжать нуждаться в природных ресурсах, в естественной энергетике. Американский СПГ может заменить российский природный газ всё же только в условиях высоких цен. Если происходит некое усреднение или падение цен, то цена на природный газ будет всегда предпочтительнее. Она будет выгоднее, ниже, чем цена на СПГ. Соответственно, можно будет увидеть новую модель отношений отдельных европейских стран - Германии, Франции, Италии, возможно, Испании, Греции, не только с Пекином, но и с Москвой. Они будут нуждаться в китайских инвестициях, в китайских деньгах. Они будут нуждаться в российском голубом и черном топливе. С каждой из этих стран у Москвы есть длинная традиция гуманитарных контактов, которые будут очень востребованы в момент экономико-политической потребности в ренессансе отношений.

«Балканизация» Европы, возвращение к концепции национальных государств по примеру Венгрии станет лейтмотивом ближайших 20 лет европейского развития. Поляризация левых и правых партий дальше от центра разбалансирует единую европейскую политику. Условно, это будет континентальная борьба польского закона о запрете абортс с немецким законом о легализации однополых браков. Борьба концепции изоляционизма национальной экономики с идеями сохранения и расширения социальной помощи мигрантам. Проектов развития традиционной энергетики с перспективой повсеместного отказа от двигателей внутреннего сгорания. Главными апологетами одних и других идей давно уже являются не столько партии центра, сколько различные внесистемные акторы. Постепенно они вытеснят старых игроков, как это уже произошло, например, во Франции, где «Национальная ассамблея» прочно заняла место «Республиканцев», а

«Непокорённая Франция» Меланшона потеснила социалистов. Ждём, когда аналогичные процессы пройдут в Германии и других странах.

Что касается стран Балканского полуострова, не входящих в Европейский Союз, то можно с большой степенью вероятности предположить сохранение нынешнего приоритетного формата «дружественных» отношений России с Сербией и Республикой Сербской. Это обусловлено не столько взглядами нынешних или будущих политиков, сколько настроениями следующих поколений местного населения. Так, согласно впервые проведённым соцопросам, *наиболее критично относящимся к Западу и перспективам евроатлантической интеграции поколением сербов является поколение рождённых в конце 1980-х – первой половине 1990-х* – тех, кто в детском возрасте пережил войны и бомбёжки НАТО. Как ни странно, их уровень евроскептицизма значительно превышает аналогичные показатели предшествующих поколений. С учётом того, что данная генерация только входит во взрослую жизнь (процесс получения образования на Балканах обычно длится до 30 лет), ближайшие 20 лет именно они будут задавать тон политической повестке региона. Поиск оптимального формата сохранения рычагов управления у команд Александра Вучича и Милорада Додика будет завершён к 2026 году, и скорее всего следующими руководителями Сербии и Республики Сербской будут их политические наследники при условии сохранения влияния «отцов». Исламская часть региона будет становиться всё сильнее в силу демографического фактора – следовательно, ожидается усиление влияния Турции и Саудовской Аравии в Боснии, Косово и Албании. Логично ожидать усиления конкуренции за контроль над балканскими мусульманами между Анкарой и Эр-Риядом.